

Оливия Штерн

Ее нежеланный лорд
▲© Штерн О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020
▲Пролог

Сегодня ее поцеловал король.

Злые языки, правда, нашептывали, что никакой это не король, а самый что ни на есть узурпатор и что отнюдь не он должен был унаследовать корону, но... Бьянка предпочитала в подобных вопросах полагаться на папеньку и маменьку. Им виднее, кто король, а кто – нет. А если уж сам папенька намекнул, что было бы недурственно породниться с династией Фаблур, то стоит ли слушать завистливые шепотки неудачниц?

Граф и графиня Эверси отбыли на торжественный прием, Бьянка маялась, сидя перед трюмо и рассматривая собственное отражение. Отложила пуховку, захлопнула пудреницу. Скучно. А на душе еще и гадко под стать погоде: в каминных трубах надрывно воеет ветер, темное небо яростно швыряется в окна пригоршнями колючего снега.

Под ребрами тугим комом свернулось недоброе предчувствие. Оно ворочалось, толкалось, кололо под сердцем, и руки леденели, а во рту разливался отвратительный кислый привкус.

Наверное, все из-за этого несостоявшегося разговора с матерью. Хотела ведь только спросить, как себя вести с королем, что ему стоит позволять, а что нет.

– Маменька? Могу я с вами поговорить?

Графиня отдыхала на кушетке, и Бьянке очень хотелось уткнуться лицом в пышный подол материнского платья, так, как она это привыкла делать.

– А, это ты, дорогая, – прохладно отозвалась графиня, – иди, мне не до тебя сейчас.

Голова побаливает, а нам с отцом собраться надо.

– Но, маменька... я хотела...

– Завтра поговорим, если так нужно, – графиня ответила с той ледяной вежливостью, с которой при дворе говорят с ненавистными врагами.

Бьянка аккуратно прикрыла дверь и побрела к себе. Она порой мечтала, чтобы мама относилась к ней как-то по-иному. Но это «по-иному» не складывалось во что-то конкретное. Бьянка понятия не имела, как матери относятся к дочерям в других семьях, знала лишь, что ее родители больше любили старшую, Виолу, у них с Бьянкой была

разница в пятнадцать лет, и Виола в доме почти не появлялась, у нее муж и дети. А еще родители очень хотели мальчика, наследника, а родилась Бьянка. Потом и вовсе выяснилось, что после Бьянки графиня больше не может иметь детей. В общем, как-то не срослось с наследником.

Предчувствие дурного повисло в воздухе, словно невидимая липкая паутина, мерзко щекотало кожу, разбегалось по телу мурашками и то и дело заставляло облизывать пересыхающие губы.

И Бьянка решилась, взяла серебряный колокольчик и позвонила. Тотчас же приоткрылась дверь, в комнату заглянула Тутта, ее личная служанка.

– Отец и матушка уже уехали? – спросила Бьянка.

– Да, мисс. Час назад. Обещали быть к утру.

Бьянка задумчиво кусала губы. Гадкое предчувствие надвинулось, грозя раздавить.

Ну, в самом деле, что за глупости. Папенька и маменька всего лишь отбыли на прием в честь кого-то там.

– Тутта, а что у нас сегодня к ужину? – спросила она.

– Овсяная каша с сушеными фруктами, – без промедления отчеканила девушка.

Бьянке до смерти надоело питаться листьями салата и несладкой кашей, но маменька была убеждена в том, что только изящная девушка может найти приличного мужа.

Или стать фавориткой – а потом и женой короля.

Но сейчас... Строгая графиня Эверси отсутствовала.

– Не буду кашу, – вышло довольно резко, Тутта вздрогнула, – послушай... Сбегай купи мне пончиков с шоколадом. А еще корзиночек со взбитыми сливками и вареньем. Вот, иди сюда, возьми...

И поскольку ближайшая пекарня была довольно дорогой, Бьянка добыла из шкатулки серебряную полукрону и протянула служанке.

– Сдачу себе оставь.

– Хорошо, мисс. Сию минуту, мисс.

Бьянка снова осталась одна. А так как до возвращения Тутты делать было все равно нечего – да и не хотелось, – предалась воспоминаниям о королевском поцелуе. Что и говорить, это оказалось неожиданно и приятно. Опыта в подобных вещах у Бьянки не имелось совершенно никакого, ну разве что самую малость. И теперь она терялась в собственных переживаниях и ощущениях, король ведь был красивым мужчиной,

высоким, сильным, с открытым благородным лицом и глазами чудесного зеленоватого оттенка. Правда, немного подозрительным выглядело то, как непредвиденно он занял место отца, а отец его как-то глупо и внезапно погиб, растерзанный своими же механоидами. И младший брат короля пропал куда-то из дворца, милый принц с мягким нерешительным взглядом. Впрочем, такие вещи, как говаривал папенька, не должны занимать умы юных девиц. Ну, король и король. Ну, пропал и пропал принц, бывает.

До этого Бьянка только разок целовалась с младшим сыном виконта Шико, и было это лет этак пять назад. В присутствии короля Бьянка начинала себя чувствовать шарнирной куклой, ей казалось, что она все делает не так, да и неуклюжа. А папенька сказал, что надо бы очаровать. А как, никто не объясняет.

За окном стемнело, мокрый снег перешел в дождь, и крупные капли барабанили по стеклам и отливам. Тутты все не было, в душе поднималось вялое раздражение. Где носит эту девку?

Бьянка прошлась по комнате, придирчиво осматривая ковер. В потемках не видно, что он уже изрядно старый и потертый, поменять бы, но... Дела семейства сейчас обстояли не очень. Совсем даже.

Наконец она услышала за дверью торопливые шаги. Мимоходом подумала, что Тутта, маленькая и легонькая, топает как слон. Скрипнули петли, и Бьянка, не оборачиваясь, процедила:

– Долго ходишь. Поставь на столик рядом с кушеткой.

Судя по звукам, дверь аккуратно прикрыли. А потом низкий и совершенно незнакомый мужской голос произнес:

– Вместо корзинок яблочный штрудель.

Кровь резко прилила к голове, а крик, на удивление, застрял в горле. Бьянка медленно обернулась. В комнате, перегородив подступы к двери, стоял совершенно незнакомый мужчина. Огромный, как скала. И до отвращения бородатый. И вообще, с виду совершенный простолюдин. В мощной руке он держал пухлый сверток.

Стремительно падая в темноту, Бьянка только и успела заметить на свертке фирменный оттиск той самой пекарни, куда отправляла Тутту.

▲Глава 1

Фаворитка и заговор

Едкая боль вгрызлась в щеку, и муть, в которой висела Бьянка, дрогнула. Затем еще раз боль – и как будто взболтнули банку с желе. Серое нечто перед глазами дрогнуло и скользнуло в сторону, оставив размытые пятна, которые медленно приобретали форму...

Снова этот мужлан. И, провались все в царствие Темнейшего, он бил ее по щекам. Простолюдин, отвратительный, вонючий простолюдин! Ее, Бьянку Эверси, ведущую свой

род от первых королей островного королевства Рехши!

От возмущения она даже забыла, что нужно бояться, и в тот миг, когда широкая мозолистая ладонь взлетела, чтобы в очередной раз хлопнуть по щеке, Бьянка кое-как подняла ватную руку и вцепилась ногтями в запястье незнакомца. Вцепилась бы... Увы, руки еще толком не слушались, и мужчина перехватил и больно сжал запястье, так, что она почти услышала хруст собственных костей.

– А, красотуля очнулась, – удовлетворенно сказал мужлан и усмехнулся в бороду.

Бьянка во все глаза его рассматривала и одновременно пыталась понять, какого Темного этот наглец и бандюга делает в их доме.

«Если бы хотел убить, то уже убил бы», – сообразила она. Это обнадеживало. Совсем чуть-чуть.

Тем временем он отпустил ее руку, и Бьянка, кое-как оглядевшись, поняла, что лежит на кушетке, что под голову заботливо подложена подушечка, и платье – хвала Всеблагодому – в полном порядке. Взгляд снова метнулся к незнакомцу, Бьянке на миг показалось, что где-то она его видела.

«Может, я обидела его отказом? – Мысли уже вертелись в привычном темпе. – Но, хм, я не помню, чтобы этот медведь подкатывал ко мне с предложением руки и сердца. А может быть, подкатывал к папеньке, и папенька совершенно справедливо отправил его куда подальше?»

Ответа не было, но, однако, следовало что-то предпринимать.

Она откашлялась, прочистив горло, и процедила:

– Кто вы такой и что вам нужно?

Получилось жалко, как мяуканье новорожденного котенка.

– Мисс пока необязательно знать, кто я. Важно то, чего я от вас хочу.

– Только посмейте причинить мне вред, – силы быстро возвращались, и Бьянка даже огрызнулась, – поутру вернутся мои родители, и тогда – о, тогда вы ответите за все!

Мужчина смерил ее задумчивым взглядом, и взгляд этот Бьянке очень не понравился. Как будто этот... медведь именно сейчас и прикидывал, а что бы такого интересного сделать с распростертой на кушетке хрупкой девушкой. Она посмотрела на его широкие плечи, на мощные руки и с тоской признала, что незнакомец может с ней сделать что угодно. Свернет шею, как цыпленку.

А еще у мужчины были темные глаза, и они-то Бьянку и пугали. Суровый, тяжелый взгляд.

– Ваши родители не вернуться утром, – совершенно спокойно сказал мужчина, склонившись к ней.

– Что?!! Вы... вы лжете!

– Вовсе нет, – снова этот ужасающе спокойный, холодный тон. – Ваши родители вернуться домой только тогда, когда мои люди их отпустят. А мои люди их отпустят тогда, когда я прикажу.

▲В горле вдруг запершило, и Бьянка поняла, что сейчас расплечется от злости и бессилия что-либо изменить. Она изо всех сил сжала кулаки и прикусила губу. Боль немного отрезвила.

– Это... это низко. – Девушка села на кушетке. – Вы грязный мужлан, вы отродье...

Боль, обжегшая губы, оказалась настолько острой и обидной, что слезы так и брызнули из глаз.

– Хорошие девочки не разговаривают так, – зло процедил мужчина, – а если разговаривают, то получают по губам. Полагаю, мы поняли друг друга?

Она всхлипнула. Все это было... настолько ужасно, настолько унижительно, что стало невозможно сдерживаться. По щекам покатались слезы, горячие, соленые.

– Что... вам нужно? – наконец спросила Бьянка. – Что вы хотите, чтобы отпустить родителей? Денег? Но у нас их не так уж и много...

И вздохнула. Денег и вправду было совсем немного, и если этот медведь потребует большую сумму... что тогда?

Просить у короля?

Или броситься к нему с мольбой поймать опасного преступника, который пленил ее папеньку и маменьку?

Сердце трепыхалось в груди и болело. А вдруг эти люди убьют родителей?... Нет-нет. Как же она тогда? Без них?!! И без того обманула все ожидания, родилась вместо мальчика...

Медведь нагло ухмыльнулся, смерил Бьянку взглядом, полным холодного презрения.

– Мне нужно, чтобы вы, мисс, залезли в постель его величества. А потом, воспользовавшись ситуацией, поменяли амулеты, которые он носит на шее, вот на эти.

И продемонстрировал плоскую коробочку размером с ладонь.

– Но... – пискнула огорошенная Бьянка.

– Мне говорили, что вы неглупая женщина. – Мужчина снова гадко ухмыльнулся. Бьянке

захотелось вскочить и вцепиться ему в лицо ногтями, исполосовать в кровь, стереть

гадкую высокомерную усмешку. – И еще я знаю, что вы крутитесь вокруг нашего узурпатора, а ваши почтенные родители не упускают ни одной возможности, чтобы продемонстрировать ему ваши достоинства. Полагаю, вы понимаете, что нынешний король не имеет прав на престол, м? Впрочем, неважно. Так вот, вам придется... помочь

нам. Чтобы было все правильно, и чтобы королем стал наследный принц Шедар Фаблур,

а не этот выскочка. Надеюсь, что в вашей голове мозгов чуть больше, чем у курицы. Вам

понятно, что от вас требуется?

– Но как я это сделаю?! Как?! – она сорвалась на крик. – Я... вы хотите, чтоб я его соблазнила... Но клянусь, я не умею! Я еще никогда...

И поняла, что сболтнула явно лишнего. Кровь прилила к щекам, и Бьянка со стоном спрятала лицо в ладонях.

– Что-то мне начинает казаться, что меня обманули, когда говорили о вас как о неглупой, – с притворным сочувствием вздохнул медведь. – Но раз уж вы сами не догадываетесь, что нужно делать, то я подскажу. Перед тем как отправляться в постель,

дайте королю качественного снотворного. Что-нибудь из того, что продают маги. А потом

делайте то, что мне нужно. Я не думаю, что все будет настолько сложно. Вы все равно

нарезаете круги вокруг его величества, как акула вокруг утопающего. Еще один крошечный шагок – и можете смело стягивать штаны с королевской задницы.

– Да вы просто... – она задохнулась, растеряв способность говорить.

– Оставим высокие слова для светских раутов, леди Эверси.

Он повернулся, оглядел комнату. Затем взял ее руку в свою и с силой вложил ↗металлическую коробочку.

– Запомните, Бьянка. Вы увидите ваших родителей только тогда, когда отдадите мне артефакты, снятые с шеи короля. Не раньше.

– А если у меня не получится? – Она непроизвольно сжала пальцы на теплой

шершавой
поверхности.

Во взгляде мужчины что-то полыхнуло. Ненависть? Злость?

«Но почему? Что я такого ему сделала?»

– Тогда я убью их, – сказал он медленно, – и они будут умирать долго. Я буду резать их на куски и эти куски присылать вам. Так что, Бьянка, в ваших интересах очаровать короля настолько, чтобы он вам доверился. И побыстрее. У вас три дня.

– Что это за амулеты на нем? – просипела она. – Почему они так важны?

– Слишком много пищи для вашей пустой головы. Но в целом... они делают узурпатора Ксеона почти неуязвимым. А остальное уже не ваша забота, Бьянка. Сделаете то, что от вас требуется, – получите ваших драгоценных родителей обратно.

И снова кривая усмешка, от которой хочется кричать, царапаться, исполосовать в лапшу эту наглуемую рожу.

Бьянка прикрыла глаза. И все же... Сейчас она скажет ему, а он пусть выслушает, хоть и разобьет ей губы в кровь.

– Вы чудовище. Это настолько низко... недостойно человека... угрожать...

– Времена такие, мисс. – Теперь он стал совершенно серьезен, а в глазах появился опасный металлический отблеск. – Уверю вас, дальше все будет еще интереснее. Вам понравится.

– Откуда я могу знать, что мои родители действительно у вас? – спросила она.

Не говоря ни слова, мужчина полез в карман сюртука и достал оттуда перстень-печатку с вензелем Эверси. Это был особый перстень, матушкин, и Бьянка знала, что вечером она уезжала с ним.

– Полагаю, этого довольно?

Она проглотила вязкую слюну и кивнула.

Тутта вернулась под утро, когда Бьянка, наревевшись всласть, доедала штрудель. Пончики к тому времени тоже закончились.

– Госпожа! Хвала Всеблагому, с вами ничего не случилось! – Рыдая, девушка упала на колени, обнимая ноги Бьянки. – Я так боялась, так боялась!

– С тобой-то что приключилось? – только и спросила Бьянка. – Где всю ночь была?
– На меня напали. По дороге в пекарню, миледи. Отвратительные, грязные городские крысы... Я уж думала, что не вернусь.

– Понятно. – Бьянка вздохнула и поинтересовалась на всякий случай: – Они тебе ничего... гм... не сделали?

Тутта покраснела и сникла.

– Нет, мисс. Их главарь сказал, чтоб ни один волос... с моей головы...

– Понятно, – повторила Бьянка. – Свари мне кофе и приготовь платье... знаешь, то, слоновой кости, с ависийским кружевом. Да передай, чтоб заложили карету. Поеду во дворец.

Заплаканное лицо служанки вытянулось в удивлении.

▲– Прошу прощения, мисс, а как же ваши родители? Скоро ведь вернуться.

– Боюсь, они задержатся. Ну, все, все. Займись делом...

Бьянка остановилась перед большим, в полный рост, зеркалом. Оттуда на нее жалобно глядела тоненькая блондинка с покрасневшими глазами и распухшим носом. Бьянка хмыкнула. Тот еще вид, как раз чтобы короля соблазнять.

– Тутта! Тут-та! Принеси ромашковую воду и лед! Да побыстрее, не спи на ходу!

Потом она долго приводила в порядок лицо. Успокоительные примочки и кубики льда на кожу сделали свое дело: покраснения ушли, и из зеркала на Бьянку снова высокомерно взирала светлокожая холеная аристократка с яркими, словно зимнее небо в солнечный день, глазами. Вот такой она привыкла быть, ловить восхищенные взгляды придворных, слышать завистливые шепотки за спиной. Ей казалось, что именно такая – холодная, неприступная и острая на язык – она будет достойна если не любви, то хотя бы родительской гордости. И, может быть, забудется тот неприятный случай, когда у Бьянки из-под носа увели очень интересного жениха, верховного инквизитора королевства, а ее это так взбесило, что она не погнушалась на женушку этого инквизитора потом натравить карманного механоида. Нехорошо, конечно, вышло. И механоида потеряла, от маленького дракона остались лишь обломки, и с инквизитором разругалась, и даже в тюрьме побывала. Папенька устроил выволочку и попенял на отсутствие мозгов. А Бьянка плакала у себя в спальне и все думала, думала о том, что ей очень хотелось, чтоб верховный инквизитор любил именно ее. Чем она хуже той, которую он выбрал в жены? Лучше ведь, в самом деле...

Тутта подготовила платье, нижнее белье и туфельки. С досадой Бьянка отметила, что подметки изрядно стоптаны, только и оставалось надеяться, что никто не заметит.

Затем

Тутта помогла уложить волосы пухлым узлом на затылке, при этом выпустив у лица два

игривых локона. Бьянка слегка припудрилась, отчего кожа заиграла нежным перламутром, подкрасила глаза и добавила капельку нежно-розовой помады на губы. Оставалась самая малость: в миниатюрную атласную сумочку она уложила коробку с артефактами, что передал тот негодяй и мерзавец. Потом, немного подумав, заглянула в комнату маменьки и из прикроватной тумбочки добыла маленький хрустальный пузырек.

Матушка частенько мучилась бессонницей, и Бьянка самолично порой отмеряла в воду капли драгоценного снадобья. Действовало оно очень быстро и безотказно.

Несколько

минут – и глаза закрывались, и маменька попросту проваливалась в сон, даже если до

этого разговаривала.

...После она тряслась в карете, с тоской размышляя о том, что поди поймай этого короля. У него ведь своих дел предостаточно, чтоб еще и с ней возиться. Но выбора не

было. Как там сказал этот мужлан? Либо графскую чету по частям, либо в постель к его

величеству и артефакты подменить. Король – или узурпатор, или кто он еще там – просто

чужой мужчина, с которым она ухитрилась поцеловаться и на дальнейшую судьбу которого, по большому счету, наплевать. А родители все же были ее родными, хоть и

мечтали о мальчике.

Бьянка поймала себя на том, что даже не посмотрела, что ж там за артефакты.

Достала

коробочку, подцепила ногтем крышку. Внутри лежали две невзрачные серебряные пластинки с отверстиями, в которые предположительно можно было продеть шнурок.

«Всего-то», – с легким разочарованием подумала она и захлопнула крышку.

Денек предстоял нелегкий.

И Бьянке даже думать не хотелось о том, что произойдет, если снотворное по каким-то

причинам не подействует. Разумеется, чисто теоретически она вполне представляла, что

происходит между мужчиной и женщиной, но... но... было немного страшно переступить эту черту. Да и место королевской любовницы уже не прельщало, как-то не вовремя вспыхнула гордость, да еще воспоминания о том, что род Эверси – один из самых старых

и уважаемых.

Она потрянула головой и приказала себе собраться и действовать.

Тем более что карета как раз остановилась у парадного подъезда.

♣Бьянка любила бывать во дворце, особенно при прежнем короле Маттиасе. Возможно, так сложилось потому, что и сама она тогда была куда более юной и беззаботной. А возможно, у папеньки денег водилось больше в то время, да и сам король частенько

баловал придворных всяческими забавами. Одни фейерверки в день зимнего солнцестояния чего стоили! Еще в детстве Бьянка впервые увидела, как в ночном небе над столицей расцвели невиданной красоты цветы. Она и представить себе не могла, что самые обычные, изготовленные артефакторами смеси порождают такое великолепие. А парад механоидов, огромных, тускло блестящих металлическими пластинами? А балы? Тарталетки с салатами, которые можно было есть. Дома – только овощи на пару, овсянка и кусочек отварной крольчатины. А во дворце – вкусная еда, и маменька ничего не скажет, лишь брови нахмурит... Дворец казался сказочным миром, где обязательно исполнялись все желания. А еще Бьянка точно знала, что белый и голубой тона, в которых выдержана большая часть залов, невероятно идут и ей самой. Хотя и глупо было так примерять на себя королевский дворец, словно платье...

«Или словно ты уже королева».

Она невольно усмехнулась.

Королева, как же.

Его величество вполне удовлетворится тем, что задерет ей подол в темном углу.

«А разве сама ты не этого хотела?»

Разве что в качестве первого шага к королевскому трону.

Но теперь... понятное дело, что после того, как она подменит артефакты, Ксеон точно на ней не женится. Хорошо, если сама она уцелеет.

И тут, шагая по сверкающему паркету, Бьянка задумалась о том, а так ли уж нужно идти на столь великие жертвы ради папеньки и маменьки? В конце концов, они уже и без того немолоды и рано или поздно отправятся на небеса. Может быть, самое время быть разумной и рассказать обо всем королю-узурпатору?

От этих мыслей лицо залилось краской стыда, а в душе появилось ощущение, что сама она медленно и неотвратно сползает в черную вязкую грязь.

Нет. Все же это были ее папенька и маменька. Она вернет их, чего бы это ни стоило.

...А потом ей несказанно повезло.

Король Ксеон размашистым шагом спешил куда-то. За ним, на расстоянии нескольких шагов, следовали гвардейцы. Его величество пребывал в глубокой задумчивости, вокруг не смотрел и блондинку в платье с ависийским кружевом не заметил.

Бьянка глубоко вдохнула. Что ж... Надо попытаться. Ради папеньки и маменьки,

единственных на всем свете людей, которые хоть и не выказывали великой любви, но, однако ж, и не предавали. А потом... что-нибудь да будет. Короли меняются, придворные остаются.

И она сделала несколько торопливых шагов вперед.

Толчок. Сильный, в плечо. Король так торопился, что попросту не заметил, как ему наперерез бросилась маленькая блондинка. Ну а поскольку король был мужчиной довольно крупным, то и удар получился неслабый.

Картинно взмахнув руками, Бьянка вскрикнула и осела на пол.

Ксеон выругался и заскрежетал зубами. Совсем не учтиво, совсем не по-королевски. А

Бьянке стало страшно. Ее втянули в игру, в которую она никогда не планировала играть.

Только вот не выбраться теперь, не выполнив требуемого...

– Вы! – только и сказал он, наклоняясь и протягивая руку. Темно-русые пряди упали на высокий лоб, глаза с прозеленью опасно блеснули. – Какого Темного вы постоянно здесь ошиваетесь, драгоценная моя? Такое чувство, что специально меня подкарауливаете! ♣Вчера ваши старания увенчались успехом. А чего вы сегодня хотите?

Говорил он это зло и без тени улыбки. Горло сжалось в спазме, и Бьянка в замешательстве заморгала. Король подхватил ее под локоть и рывком поставил на ноги.

Заглянул в лицо и повторил:

– Так какого Темного вам надо, леди Эверси? Отчего, куда бы я ни пошел, я всюду натыкаюсь на вас? Что. Вам. Надо?!!

И Бьянка, набрав побольше воздуха и дуряя от собственной храбрости, выдохнула:

– Вас... ваше величество.

Ксеон отпрянул от нее так резко, словно вместо великолепной прически на голове у Бьянки кишели змеи. Затем почесал фигурно стриженную бородку, окинул Бьянку оценивающим взглядом и скупно улыбнулся.

– Я смотрю, вы решительно настроены, дорогая. Вы уверены, что это именно то, что вам нужно? Я ведь не настаиваю на подобных, хм, отношениях. Вы же из весьма уважаемой семьи, что скажет маменька?

Бьянка ощутила, что падает – падает в бесконечную темную нору.

От ощущения полета дух захватывало, это было одновременно и страшно, и прекрасно...

почти как королевский фейерверк. Ксеон далеко не дурак, очень быстро раскусит ее

притворство. Но она должна. Ради них, единственных близких.

– Да, ваше величество, – взволнованно выдохнула она, приоткрыв губы и скользнув по ним кончиком языка, – уверена. Еще со вчерашнего дня уверена, вы были убедительны.

Очень убедительны.

О том, что так можно сделать, Бьянка вычитала в каком-то дешевом романе. И король стал первым мужчиной, на котором она была вынуждена опробовать эту глупость.

На самом-то деле он ей даже нравился. Молодой, красивый, высокий, стройный. Мечта, а не мужчина. И глаза необыкновенные, мохово-зеленого теплого оттенка. Да и вообще, король. Но чтоб вот так, в постель, по заказу... Страх просачивался в сознание ледяными струйками, парализуя волю. Страх неизвестности и боли.

Прикусив губу, Бьянка провела пальцами по линии выреза платья. Пальцы ощутимо дрожали. Ксеон молча следил за ее рукой. Потом перевел взгляд на лицо, и Бьянка вдруг прочла в его зеленых глазах мрачную решимость.

– Что ж... Леди Бьянка. Коль вы решили, то так тому и быть. Я не буду отказываться от столь изысканного блюда. Извольте следовать за мной. Отвлекись от своих дел, и все ради вас, дорогая.

Сцепив руки за спиной, он продолжил свой путь. Вздохнув, Бьянка засемила следом.

Она не могла понять, что с ней творится. То смрадной волной накатывал ужас от всего происходящего, то с головой накрывало отчаянное, бесшабашное веселье, и хотелось глупо хихикать.

«Верно, истерика начинается», – решила она.

Вот сейчас они придут куда-то... вероятно, в королевские покои. И... что дальше?

Она понятия не имела, что дальше делают с мужчинами.

Оставалась слабая надежда на то, что Ксеон возьмет инициативу в свои руки, а у нее будет возможность дать ему снотворного. Иначе... все закончится до ужаса банально.

Снова накатил панический страх.

Нет... она все же попытается.

А если не получится... и загадочные амулеты так и останутся у короля... Что ж, стать

▲официальной королевской фавориткой тоже неплохо. Возможно, это поправит финансовое положение семьи. Но тогда, по словам того мужлана, семьи-то у нее и не будет.

И Бьянка на всякий случай нащупала в сумочке заветный пузырек.

Внутреннее чутье подсказывало, что Ксеон направился напрямик в спальню. Распахнул перед Бьянкой дверь, сказал с легкой усмешкой:

– Прошу, леди Эверси.

Снова накатил страх, вязкий, удушающий. На самом деле она уже была готова на все что угодно, лишь бы сбежать, да и вообще уехать из столицы. Но папенька и маменька... в плену у отвратительного главаря городских крыс... или кто он там на самом деле... Она незаметно ущипнула себя за ладонь, больно, впиваясь в кожу ногтями до бордовых полосок. На глаза набежали слезы, и пришлось моргать быстро-быстро, чтобы, упаси Всеблагий, Ксеон не передумал.

Переступив через порог, Бьянка быстро огляделась. Комната была просторной и светлой. Как и полагалось, изрядную часть ее занимала кровать с резным изголовьем, застланная бархатным покрывалом. В углу, на круглом высоком столике, поблескивали хрустальный графин и тонкие стаканы.

Пальцы судорожно сжали сумочку. Как же... как же незаметно вылить снотворное, а потом еще и напоить им короля?

И она медленно, боком, двинулась в сторону графина. Может быть, Ксеон отвлечется на минутку...

– Вы куда это?

От голоса, в котором плескались раздражение и злость, Бьянка вздрогнула и вмиг покрылась ледяным потом.

Она обернулась, одарила короля тщательно отрепетированной улыбкой светской львицы и прошептала:

– Я подумала, ваше величество, что мы можем начать наше близкое знакомство... м-м... с бокала вина.

Ксеон наблюдал за ней, и его усмешка все больше походила на звериный оскал, алчный, недобрый. В голове Бьянки промелькнула суматошная мысль – да как она вообще могла

додуматься крутить хвостом перед ним? Почему он казался ей красивым? Страшный ведь человек, сожрет и косточки выплюнет. Перемелет в пыль. Слишком уж внезапно и глупо погиб предыдущий король. И принц Шедар, милый мальчик с печальными карими глазами, куда-то исчез из дворца.

– Желаете выпить, Бьянка? Что ж, я не против. Хотя мне и не нравится, когда от женщины несет винным духом.

– Немножечко, – пискнула она, – пару глотков. В горле пересохло, простите...

– С чего бы такие переживания? – Ксеон хмыкнул и, о ужас, сам направился к столику.

Обронил на ходу: – А вы раздевайтесь, не стоит тратить время даром. Или предпочитаете в одежде?

Перед глазами замельтешили серые назойливые точки, но Бьянка еще раз ущипнула себя за руку. Не паниковать. Только не сейчас.

Из-под ресниц она понаблюдала, как король налил в хрустальный стакан вино. К сожалению, не было возможности подмешать туда маменькиных капель.

– Чего ждем? – Он обернулся. – Возможно, мы попросту не будем тратить время друг на друга, а?

– Н-нет... вы неправильно... поняли, – судорожно просипела девушка и трясущимися руками принялась распускать шнуровку корсета. – Я просто... немного нервничаю, – буркнула она. – Вы должны понять, ваше величество.

И вздрогнула, когда Ксеон подошел сзади и обхватил за талию, прижимая к себе.

– Понимаю, – протянул хрипло. Бьянка растерянно моргнула при виде наполненного стакана. – Выпей, будет легче. Да что ты вцепилась в свою сумочку? – раздраженно добавил Ксеон. – Убери ее, или я уберу сам.

– Позвольте, я положу на столик, – пробормотала она.

По венам растекался сладковатый ужас перед неотвратимым. И самым ужасным из всего была невозможность повернуть назад.

Ксеон разжал объятия, и Бьянка, пошатываясь, наконец подошла к столику. Флакон послушно скользнул в ледяные пальцы, она выдернула притертую пробку и быстро вылила содержимое в открытый графин.

– Что ты возишься? Иди ко мне.

Обернулась, оставив сумочку рядом с графином, а затем, не давая себе времени даже подумать, смело шагнула к Ксеону и взяла из его рук бокал.

Сделала большой глоток. Вино было пряным, дорогим и довольно крепким.

– А разве вы не выпьете со мной, ваше величество? – невинно захлопала ресницами.

Пришлось опереться о столбик балдахина, поскольку от напряжения начинала кружиться голова, а тело наливалось ватной слабостью.

– Почему нет. – Ксеон пожал плечами.

Потом раздраженно глянул на Бьянку, как будто она в чем-то была виновата, и пробормотал:

– Да, пожалуй, надо выпить...

Он остановился у столика, щедро плеснул в бокал и выпил большими глотками. Затем налил еще. Окинул ее внимательным взглядом и приказал:

– Пей. У меня нет времени, чтобы с тобой возиться полдня. Раз пришла, то пришла. Место королевской фаворитки пока что свободно.

Бьянка послушно сделала несколько глотков и выжидающе уставилась на короля. А он, оставив пустой бокал, решительно двинулся к ней, на ходу расстегивая рубашку.

– Тебе помочь раздеться, куколка?

Бьянка невольно попятилась.

Она совершенно не понимала, что происходит: Ксеон только что принял лошадиную дозу снотворного, и сна ни в одном глазу. Неужели... она ошиблась и взяла не тот флакон?! И что теперь? Как она обменяет эти треклятые артефакты? Даже после того, как она будет принадлежать этому человеку... вряд ли он будет спать так крепко, что ничего не почувствует. А если ничего не получится, то, выходит, будет потеряно все: и невинность, столь важная для семейства аристократов, и родители...

Бьянка задрожала всем телом, когда Ксеон запустил руку ей в прическу, развернул к себе лицом и впился в губы жестким, требовательным поцелуем, надавливая, вынуждая приоткрыть рот. У Бьянки ноги подкосились, теперь страх завладел ею окончательно. А еще – жуткое осознание того, что все случится не так, как она запланировала. То ли она и в самом деле взяла не тот флакон, то ли на Ксеона снотворное не действовало. Она так и застыла в руках короля, словно обездвиженная жертва в кольцах змеи, с отчаянием отмечая, как сильные руки мужчины шарят по телу, с треском разрывают ворот самого лучшего платья и больно стискивают грудь. И она хотела крикнуть: «Не надо!» – но лишь промычала неразборчиво, потому что горячий язык Ксеона хозяйничал во рту, не

вызывая никаких ощущений, кроме тошноты.

▲– Да ты холодная, как ледышка. – Он на миг отстранился и весело рассмеялся, но в глазах блестели тьма и злость. – Поверь, я знаю, как все исправить.

И толкнул на кровать, животом вниз.

Бьянка лишь зажмурилась, когда он легко потянул ее на себя, ставя на четвереньки.

Зашелестела ткань, и атласный подол цвета слоновой кости оказался у Бьянки на голове.

Она было попыталась вывернуться из железной хватки Ксеона, но тот лишь засмеялся и резко дернул на себя, впиваясь пальцами в бедра. Больно, до слез, до вскрика.

– Это хорошо, что кричишь, – прозвучало негромко, – мне это нравится.

Еще рывок, раздался треск рвущейся ткани, кожу на бедрах обожгло резкой болью, и Бьянка поняла, что от ее тонких панталон остались лохмотья. Ксеон несколько минут молчал. Бьянка дернулась, моля Всеблагого, чтоб сейчас что-нибудь произошло. Война, наводнение, землетрясение... Потому что настолько невыносимо стыдно ей еще не было никогда.

– Так-так. Очень даже неплохо.

– Пожалуйста... – все же не удержалась она, захлебываясь в слезах.

– Дорогая, только не говори, что передумала, – растягивая слова, сказал Ксеон.

И Бьянка поняла, что вот именно здесь и сейчас все и произойдет. И будет совершенно бестолковым и бесполезным. Засыпать Ксеон и не думал, а это значило, что амулеты так и останутся при нем.

Она слабо дернулась в его руках в попытке вырваться.

– Перестань, – голос короля стал хриплым, – ты просто прелесть...

Бьянка всхлипнула, ощутив прикосновение к своему телу там, где еще никто не касался.

Противно. Невыносимо противно. Ее затрясло от ужаса. Неужели вот сейчас... и все? Да

как только женщины это терпят?

Ксеон навалился на нее всем весом, распластывая на кровати, и внезапно разжал руки.

Бьянка забилась под тяжестью его тела.

– Ваше величество! Что вы..

Ксеон не ответил. А Бьянка, замерев в ужасе, вдруг услышала его совершенно спокойное дыхание.

..Она лежала на кровати, придавленная безвольным телом короля, и глупо хихикала. Хотелось кричать и смеяться одновременно, а потом... убить Ксеона, убить того мужлана, который заставил ее перенести все это... Да и вообще, убивать каждого, кто посмеет сделать ей, Бьянке Эверси, какую-нибудь гадость.

– Это невозможно, – всхлипнула она, – невозможно-о-о-о...

Невероятное, просто чудесное везение: снотворное все же подействовало. В самый последний момент, когда это еще имело смысл.

Кое-как выбравшись из-под королевского тела, Бьянка первым делом удостоверилась в том, что дверь в спальню заперта изнутри. Потом, шепотом ругаясь, перевернула мужчину на спину, оглядела. Ксеон, конечно, был красив, но... почему-то теперь вызывал отвращение. Бьянка механически вытерла тыльной стороной ладони припухшие губы и решила, что теперь скорее пойдет в монастырь, нежели замуж.

Она вскочила с кровати, взяла артефакты, которыми нужно было подменить те, на шее Ксеона. Руки тряслись, когда она развязывала кожаные шнурки и снимала тяжелые серебряные пластины, когда нанизывала те, что до этого лежали в коробке, и снова завязывала узлы. Король мирно посапывал, и, судя по выражению лица, снилось ему что-то приятное.

▲Бьянка, вздыхая, подобрала разорванные в клочья панталоны, сложила их в сумочку вместе с украденными артефактами. С паникой отметила, что лиф ее великолепного платья безнадежно разорван, а ведь ей идти через весь дворец в таком виде... что о ней скажут? Поправила как могла. Но все равно видно.

Она еще раз огляделась, затем на всякий случай взяла графин и вылила остатки вина в большой горшок с декоративной розой. Осторожно выглянула в дверь – никого, лишь охрана.

– Эм... его величество заснули, просили не беспокоить, – смущенно сказала она солдату.

Наверняка могла вообще ничего не говорить, она не обязана отчитываться...

И быстро-быстро, задыхаясь, пошла прочь.

Она чувствовала себя невероятно грязной. Мойся – не мойся, а такое быстро не смыть.

«Дурочка, чего нюни распустила? Он же не успел с тобой ничего сделать».

И все равно – так мерзко на душе, как будто только что ее отдали на потеху мужланам из

ближайшего питейного заведения.

Бьянка задумалась и потому не сразу поняла, что идет уже сквозь толпу придворных, что они смотрят на нее с улыбками и шепчутся за спиной. Она лишь ускорила шаг. Ну конечно. Ее испорченное платье не осталось незамеченным. Репутация испорчена окончательно, и с этим ничего не поделаешь.

Уже выходя из дворца, она рассеянно подумала о том, что никто не подаст ей карету к крыльцу, – но карета стояла, ожидая, и лакей распахивал дверцу.

Бьянка забралась внутрь; шторы были плотно задернуты. А когда глаза привыкли к густому мраку, едва не завопила в голос. На диване напротив преспокойно сидел тот самый бородатый мужлан.

– Вы! – прошипела она. – Какого Темного вы здесь делаете? В моей карете?

– Жду артефакты. – Его глаза блеснули любопытством. – Вас видели во дворце сегодня, и я подумал, что наверняка вы решили действовать.

– Забирайте, – Бьянка швырнула ему на колени сумочку, – надеюсь, мои родители к вечеру будут дома?

– Считайте, они уже дома.

Он потянул шелковые шнурки с кисточками на концах, и Бьянка запоздало поняла, что помимо артефактов вручила ему еще и разорванные панталоны. И – надо ж тебе – этот гад первыми вытащил именно их. Посмотрел с прищуром на Бьянку, но отчего-то ничего не сказал. Затем достал артефакты, долго рассматривал их, потом поводит над ними какой-то светящейся штуковиной.

– Все правильно, – пробормотал тихо и уставился на Бьянку тяжелым взглядом, от которого мурашки пошли по коже.

– Ну... Так и чего вы ждете, уважаемый? Я не намерена вас терпеть в своей карете ни минутой дольше. Извольте выйти.

– Вы... в порядке? – вдруг спросил он.

Бьянка не поверила собственным ушам. И в который раз ей захотелось отделать наглеца так, чтобы себя в зеркале не узнал. Она прошипела зло:

– С чего бы такая забота? Раньше вас это не волновало. Да и вообще, у меня только один вопрос: если вы весь такой вездесущий и могущественный и никакие двери вам не помеха, что мешало вам самому подменить артефакты?

– Вам это было сделать проще всего. И узурпатор ничего не заподозрит ровно до тех пор,
пока не попробует артефактами воспользоваться. Это на руку нам.

▲– Ах, проще всего... – от возмущения Бьянка даже не сразу нашлась что ответить.
А

потом сорвалась на визг: – Убирайтесь вон, слышите! И я... никогда, никогда не желаю вас больше видеть! Да будьте вы прокляты! Весь дворец видел меня... вот так... в порванном платье! Моя судьба погублена, мне теперь только в монастырь!..

– Не кричите, будто вас режут, – в его голосе сквозила усталость, – уже уйду.

И он действительно открыл дверцу и ловко спрыгнул на дворцовый подъезд. А Бьянка,
откинувшись на подушки, разрыдалась. Потом стукнула в стенку и крикнула:

– Пошел! Пошел, я сказала!

«Главное, чтобы маменька и папенька оценили то, что я только что для них сделала».

▲Глава 2

Репутация девушки благородных кровей

Репутация девушки благородных кровей напоминает нагромождение ярких, сверкающих кристаллов. Выдернешь один из основания – и все развалится, блестящие камни раскатятся в стороны, а обратно, как было, уже не собрать.

Ну а если все видели тебя выходящей из королевских покоев в платье с разодранным лифом, тут уже речь не о маленьком камне, а, скорее, о здоровенной плите, сродни тем,

что укладывают поверх могил. Понятное дело, что думать о восстановлении репутации

после такого просто смешно. И только абсолютный идиот может согласиться взять в жены девушку, у которой, несмотря на титул, за душой ни гроша денег, а кумушки шипят вслед: «Мелкая шлюшка».

– Ты понимаешь, что натворила? – громким свистящим шепотом спросила графиня Амалия Эверси, наклоняясь ниже и как будто боясь, что кто-то их услышит.

Бьянка прятала лицо в пышном подоле платья великолепной графини и наслаждалась той скупой лаской, с которой матушка перебирала ее волосы.

По-хорошему, можно было и поплакать, но отчего-то слез не осталось. Особенно после

того, как отец отвесил хлесткую пощечину.

«Ты понимаешь, что натворила? Да лучше б... Что теперь с тобой делать? Об этом ты думала, когда оголялась перед узурпатором? Кому ты теперь нужна? Кому мы теперь нужны? Вот уж не ожидал, что моя младшая дочь окажется шлюхой!»

– Мама, – прошептала Бьянка, хватая узкую руку графини, – неужели ты не понимаешь?

Он... пришел к нам в дом, это чудище. Я не знаю, как он пробрался сюда, минуя охрану, минуя прислугу... И он сказал, что если я не сделаю кое-что, то вас больше не увижу. И ты ведь не отрицаешь, что все эти дни вас держали взаперти, в подвале, с завязанными глазами.

– И это кое-что – переспать с человеком, захватившим трон королевства?

Голос графини казался безжизненным шелестом сухой листвы.

Но... вот ведь странно. Некоторое время назад маменька едва ли не намекала на то, что Бьянке следует больше внимания уделять его величеству.

Теперь, когда его все-таки убили и выяснилось, что старый король вовсе не был его отцом, он стал называться узурпатором. А раньше был королем.

– Я должна была подменить кое-какие артефакты. А уж как это сделать... Но, мама, я клянусь, ничего не было. Он... не успел. Я подлила ему твоих сонных капель, и король уснул прямо со спущенными штанами...

– Не говори так, Бьянка. Фу. Во-первых, не король, а узурпатор, ныне покойный. Во-вторых, благовоспитанная девица благородных кровей никогда не скажет про спущенные штаны и про то, что мужчина заснул прямо на ней.

– Но ты-то моя мама, тебе я могу рассказать...

– А потом ты шла по дворцу в разодранном платье, и все это видели. Об этом ты, конечно, не думала.

– Мама! – Бьянка невольно отстранилась, вырываясь из ласкового плена мягких рук.

– Я ж вас с папой спасала! А вы как будто не рады! Да если бы... если бы я не выкрала те артефакты, вас бы убили... эти жуткие люди. А этот... мужлан, он ведь следил за мной, ему было интересно, что и когда я буду делать.

– Может, он еще и видел, как узурпатор тебе подол задирает?

Бьянка растерянно всмотрелась в лицо матери. Красивое, породистое, с которого почти никогда не сходило выражение этакого утонченного спокойствия. Взгляд Амалии ✦Эверси... причинял боль, заставляя давиться рыданиями. За что они с ней так? Почему? Да что ж теперь, в петлю? Только оттого, что зашла слишком далеко ради их же спасения?

И она внезапно подумала о том, что тот страшный мужчина, который заставил ее

пройти

все это, любовался ее панталонами, которые она сложила в сумочку вместе с украденными артефактами.

– Я не дала вам умереть, – всхлипнула Бьянка, – как вы можете так... со мной?

– Деточка, – сказала мама тихо, одними губами, – ты не понимаешь. Ты спасла наши жизни, но напрочь убила нашу репутацию. Никто и нигде не примет нас больше.

Никто

не захочет водиться с семьей, где дочь себя так опозорила. Таковы порядки, и с этим

ничего не поделаешь. Будет счастьем, если хоть кто-нибудь согласится взять тебя в

жены. И будет еще лучше, если ты уедешь из королевства. Репутация для благородной

девицы – это все. Да и вообще... подумала бы о своей сестре. Боюсь, ей тоже теперь придется несладко. Все будут шептаться о том, что произошло, все будут на нее тыкать

пальцами.

Бьянка не верила собственным ушам. И все это говорит мама, любимая мама, ради спасения которой пришлось влезть в постель к королю, тьфу, узурпатору. В груди пекло,

горло стиснул спазм. Даже дышать было тяжело – невидимые когти терзали Бьянку изнутри, полосуюя, разрывая на части. Бьянке казалось, что она сейчас умрет от этой

боли, она умоляюще смотрела на маму, на застывшее ее красивое лицо, на беспощадно

сомкнутые губы.

«Ну скажи, скажи что-нибудь, – пронеслось в голове, – скажи, что ты пошутила, что

ничего не изменилось. Скажи, что любишь меня любую и всегда будешь рядом и я всегда смогу прикоснуться к твоим волшебным рукам, а ты никогда не позволишь мне утонуть в отчаянии...»

Но Амалия Эверси тяжело вздохнула, еще раз окинула Бьянку грустным задумчивым взглядом, а затем поднялась с кушетки, где они сидели.

– Я пойду, – сказала она глухо, – теперь нам с отцом надо думать, что делать и как

дальше жить. Как теперь исправить все то, что ты натворила.

Слова застряли в горле, и Бьянка лишь кивнула, провожая взглядом матушку. Вот если

бы... на ее месте был мальчик... Наверное, так было бы лучше.

Дверь открылась и закрылась, и девушка осталась одна в темной комнате. Грудь распирало, глубоко внутри стремительно разрастался ком из ледяной злости, совершенно черного, непроглядного отчаяния и непонимания происходящего.

– Я же вас спасала, – пробормотала она, – я что, должна была дать вас убить?

Дни слились в бесконечную серую череду. Бьянка сама себе казалась дорогой куклой

– с

красивым фарфоровым личиком, изящными кистями рук и лодыжками, а тело мягкое, тряпичное, набито соломой и совершенно безвольное. Она с трудом понимала, зачем каждое утро ее будит Тутта и при этом смотрит со странной смесью сочувствия и брезгливости, как будто даже ей есть дело до репутации Бьянки Эверси. Не понимала, зачем умывается, одевается и причесывается – все равно ведь папенька не выпускает из дому. Наконец, не понимала, зачем жует листья салата, заправленные соусом из квашеного молока, – если ее теперь никто не возьмет замуж, то можно бы пропустить и пончик-другой, да еще и в чашку кофе добавить сливок и сахара.

Внутри что-то сломалось, треснуло и разлетелось мелкими осколками, и как раз таки эта жалящая боль Бьянке была понятна: впервые в жизни папенька и маменька повернулись к ней новой, совершенно до этого незнакомой стороной. Неожиданно те, кого она любила всю сознательную жизнь, оказались как будто чужими, глухими и слепыми. И хоть кричи, хоть плачь, хоть все волосы себе выдергай – они твердят как заведенные: что ж теперь будет, да кто ж с нами будет иметь дело, с такой-то дочерью. И вот это-то и приносило самую едкую, противную подсердечную боль. С каждым прожитым днем Бьянка ощущала, как отдаляется от матери и отца, или наоборот – как они все дальше и дальше отталкивают ее, и во взглядах снова брезгливая жалость. ♣«Мама, он же ничего со мной не сделал. Я по-прежнему невинна».

«Даже если и так, то все видели тебя... в таком виде, что, прости Всеблагий, хоть под землю от стыда провалиться. Никто не поверит в то, что у тебя ничего не было с узурпатором Ксеоном».

Каждое утро отец, садясь завтракать, спрашивал у дворецкого, нет ли корреспонденции. И каждое утро получал один и тот же ответ: никто больше не писал семейству Эверси, никто не звал на ужины и балы. Вся семья и вправду оказалась отрезанной от столичной жизни. Роланд Эверси окидывал Бьянку хмурым взглядом, а потом принимался за еду, всем своим видом говоря: вот видишь, что ты наделала? И у Бьянки в горле застревал очередной лист салата, она отодвигала тарелку, уходила к себе, чтобы всласть нарыдаться в подушку. А потом она засыпала, но сон не приносил облегчения: приходили кошмары.

В этих кошмарах раз за разом из темноты выливался ненавистный широкоплечий силуэт, тенью склонялся к Бьянке и, обдавая запахом крепкого табака, лука и винного перегара, шептал: «Укради у короля амулеты. Не сделаешь – пришлю маменьку по частям. И папеньку. А сделаешь – получишь их живыми». И Бьянка, захлебываясь слезами и ненавистью, снова одевалась – как тогда – и шла во дворец разыскивать его

величество. Чтобы прикинуться влюбленной дурочкой, соблазнить и снять с его шеи столь нужные артефакты.

Только вот во сне было все иначе. И Ксеон отнюдь не засыпал, навалившись на нее тяжелым телом. Резкая, ноющая боль охватывала низ живота, и Бьянка орала, выгибалась дугой... И ничего не могла сделать. Ни-че-го. Она была совершенно беспомощна.

На этом, как правило, кошмар заканчивался, и Бьянка вскидывалась на кровати с бешено колотящимся сердцем, в ледяном поту.

Бьянка так и не поняла, отчего снится такое. Она ведь не знала, каково это – быть с мужчиной. А призрак боли преследовал, не отпуская. Бьянка даже подумала, не пожаловаться ли матери, но вовремя прикусила язычок. Затрагивать подобную тему было явно не лучшим решением, матушка и без того смотрела на Бьянку как на какое-то ходячее недоразумение.

А однажды ей приснилось другое. Вернее, все начиналось как обычно, снова Ксеон задирает ей юбки на голову, но потом... он перевернул Бьянку на спину, и она поняла, что на этот раз с ней отнюдь не узурпатор. У Ксеона были темно-русые волосы, а этот, новый, оказался пшеничным блондином без лица. Там, где у нормальных людей находятся щеки, глаза, нос, оказалось мутное пятно, как будто кто-то размазал акварель.

Бьянка хотела кричать, но вопль застрял в горле, как это часто бывает в кошмарах, и только противная режущая боль вышибала слезы из глаз. Незнакомый мужчина хохотал как сумасшедший, а у Бьянки по всему телу словно цыганской иглой протыкали кожу.

А потом железные пальцы сомкнулись на горле, и Бьянка поняла: все. Теперь точно все.

Он ее придушит, как цыпленка, и она попросту умрет во сне.

И проснулась.

– Что кричите, леди? – грубовато поинтересовалась Тутта. – Его величества с вами нет.

– Пошла... вон... – с трудом прохрипела Бьянка.

К боли в душе добавилась еще и боль в шее. И девушке стало действительно страшно – до ледяных рук, до тошноты, до озноба, от которого зубы стучали. Она спустилась к обеду, твердо намереваясь поговорить с матушкой и попросить позвать мага-лекаря, но...

Отец с видом победителя помахал в воздухе маленьким розовым листком.

– Амалия! Ама-а-а-алия! Наконец-то! Наконец стали забывать о... – Он умолк, встретившись взглядом с Бьянкой.

– Что, Роланд? – матушка спешила навстречу по коридору, ухоженная и красивая, в светлом домашнем платье и ажурной шали.

▲Даже в столь тяжелые времена, когда семейство Эверси оказалось отвергнутым всеми, графиня умудрялась выглядеть томно и одновременно величаво. Бьянка же видела в зеркале взъерошенного белобрысого воробья.

– Нас пригласили на бал, на день рождения Вериты Ларно!

– Ларно? А ну-ка, дорогой, дай сюда приглашение, – оживилась матушка.

Розовый листок перекочевал в холеные ручки графини, она пробежалась взглядом по строчкам, затем почему-то окинула Бьянку пристальным, оценивающим взглядом.

– Нас пригласили в полном составе, – радостно сообщила матушка. – Дитя мое, нужно, чтобы к завтрашнему вечеру ты привела себя в надлежащий вид. Думаю, что там будут Шико. Возможно, это шанс...

И тут Бьянка не удержалась и фыркнула.

– Верита Ларно – старая дева, страшная и глупая. У нее изо рта воняет и зубы порченые.

А Левран Шико – косоглазый, и, когда разговаривает, у него слюни брызжут так, что утонуть можно. Сомнительная радость...

Она не договорила, потому что затылок ожгла резкая боль. Бьянка с удивлением уставилась на отца, который только что отвесил ей подзатыльник.

– Помолчи, – он хмурился, – не в твоем положении перебирать. Так что мы поедem на бал, поздравим Вериту Ларно, и ты станешь ее лучшей подругой. И – да. Я не буду возражать, если ты покажешь Леврану Шико то же, что показывала королю... тьфу, узурпатору Ксеону. Ты поняла? Замуж тебя надо выдать.

– Поняла. – Бьянка заморгала быстро-быстро, чтобы не расплакаться. Кровь ударила в голову, и щеки защипало. Наверное, сейчас она стала похожа на свеклу.

Если с Веритой Ларно еще можно было перемыть кости общим знакомым, то Левран Шико, старший сын виконта Шико, вызывал физическое отвращение. Нет, у младшего сына Шико как раз все было в порядке, и с ним Бьянка была бы не прочь водить дружбу.

Но вот старший не удался. У него была отвратительная привычка никогда не смотреть в глаза собеседнику и постоянно склонять голову к левому плечу. А еще Левран периодически ковырялся в носу и потом съедал добытую оттуда козьявку. И что, Всеблагий, целоваться с ним после этого?

– Может быть, вы меня отправите в монастырь? – жалобно спросила она.

Папенька начал краснеть, и маменька бросилась за стаканом воды.

– Бьянка! Как тебе не совестно? Мы столько для тебя сделали. Мы растили тебя для того, чтобы ты продолжила род Эверси, а не для того, чтобы высохла в молитвах и постах.

– Я не хочу иметь ничего общего с Шико, – решительно объявила Бьянка.

– Претемный, – прохрипел папенька, – какая эгоистичная девица выросла, а, Амалия?

Сперва опозорила нас на все королевство, теперь упирается... Знаешь, дочь, ты поедешь на бал и приложишь все усилия, чтобы Левран обратил на тебя внимание. Потому что...

в противном случае мы с матушкой окончательно убедимся в том, что ты своенравная, избалованная, неблагодарная и крайне эгоистичная особа, которая совершенно не думает о родителях!

И тут Бьянку накрыло волной совершенно неконтролируемой ярости.

Это она-то не думает о родителях? Да как же так? Неужели они... в самом деле именно такие, какими она их видит именно сейчас? Неужели так и не поняли, что она сделала только ради них?

– Я никуда не еду, – тихо сказала она.

Амалия Эверси закатила глаза и побледнела, граф бросился ее поддержать.

– Нет, ты посмотри, что творишь с матерью! – крикнул зло. – Амалия, душа моя...
Давай я тебе помогу дойти до кушетки.

Но графиня потянулась к Бьянке, дотронулась до ее щеки – очень нежно, как никогда раньше – и прошептала:

– Милая... пожалуйста. Мы очень, очень просим тебя. Я прошу...

Особняк Ларно давно начал ветшать, на его боках строгого серого цвета краснели кирпичом пятна отвалившейся штукатурки. Если ехать из центральной части города, спускаясь при этом с горы в сторону моря, можно было увидеть, что над правым крылом провалилась крыша, и никто ее не чинит, потому что у семейства Ларно попросту нет на это средств.

Впрочем, некоторые стеснения в средствах испытывала и семья Эверси. Разница была лишь в том, что род Ларно обеднел на пару поколений раньше, а особняк Эверси был отремонтирован дедом Бьянки.

Одно было хорошо у Ларно: дом окружал старый яблоневый сад, пронизанный узкими, полузаросшими тропинками, украшенный старинными беседками. Весна была в самом разгаре, деревья стояли в цвету, прекрасные, словно невесты перед алтарем Всеблагого, и Бьянка, так долго просидевшая взаперти, не могла надыхаться вкусным свежим воздухом.

Выглядывая из окна кареты, она с интересом наблюдала за жизнью, кипящей на улицах столицы. С некоторым сожалением отметила, что у ее платья безнадежно устарел фасон рукава и что богато одетые горожанки предпочитают вырез в виде буквы «V», а вовсе не квадратный, выставляющий напоказ грудь. В моду снова входили пышные веера и сапожки на высоком каблуке, а она была обута в старые атласные туфельки с изрядно стоптанными подметками.

«Для Ларно сойдет», – ухмыляясь, решила Бьянка.

Может быть, эти же подметки отпугнут от нее Шико-старшего, и тогда можно будет с чистой совестью отчитаться папеньке, мол, я старалась, а он и внимания не обратил.

Бьянка ехала на бал с безмятежной улыбкой на губах, но мысленно готовилась к битве, по масштабам сравнимой с Великим Эшвотским сражением, когда враждебные ависийцы были раз и навсегда изгнаны с островов Рехши.

Будут ли ее обсуждать? Конечно.

Попытаются ли вывалить в грязи и облить помоями? Вне всяких сомнений.

Бьянка, как никто другой, понимала, что женская компания безжалостна к слабым и еще более безжалостна к павшим сильным, и что легко на дне рождения Вериты Ларно ей не будет ни мгновения. Но с каждым новым глотком свежего, напитанного солнечным теплом воздуха в ней поднимала голову прежняя Бьянка Эверси, которая вполне могла, образно выражаясь, откусить положенный в рот палец и у которой хватило дурости натравить ручного механоида на жену верховного инквизитора. Потом, правда, ревела в подвалах инквизиции, а эта сволочь Аламар Нирс допрашивал ее так, словно она была незарегистрированным магом-менталистом и исподтишка командовала королевскими механоидами. Мало того, что женился на другой, так еще и издевался. И уже совсем невозможно было объяснить, что ей всего-то хотелось замуж, а потом стало очень обидно оттого, что предпочли не ее. Родители вон предпочли бы сына. А инквизитор Нирс предпочел Бьянке другую девушку. Сплошное невезение.

Наконец карета остановилась у ажурных ворот, изрядно побитых ржавчиной. Им бросился открывать дворецкий, что весьма прозрачно намекало на бедственное положение владельцев дома. Потом лошади процокали подковами по дорожке,

вымощенной разноцветным булыжником, и остановились напротив высокого крыльца, отделанного мрамором с аристократичными черными прожилками, местами обвалившегося.

Папенька строго посмотрел на Бьянку.

Бьянка скромно потупилась, всем своим видом как бы говоря: я буду послушной, я буду
▲делать так, как вы велите, и, если Шико-старший полезет мне под юбку, я буду жеманно хихикать, подкатывать глаза и изображать радость.

На самом же деле Бьянка поклялась себе, что ежели Левран изволит вести себя подобным образом, то, скорее всего, будет вынужден ретироваться с хорошим фингалом.

– Ну, пойдём, – мягко сказала графиня, невесомо погладила Бьянку по открытым плечам, расправила щелчком кружево. – Деточка, постарайся сделать так, чтобы нам не пришлось за тебя краснеть.

– Да, матушка, – улыбнулась Бьянка, – я буду вести себя как лучшая подруга Вериты и как самая смиренная невеста королевства.

– Так бы и сразу, – буркнул отец и, кряхтя, принялся выбираться из кареты. Ему мешал объемный живот, но дворецкий оказался смысленным, так что подал графу руку и буквально выволок наружу. Амалия Эверси выбралась самостоятельно, лишь мимоходом оперлась о жесткие пальцы слуги. Бьянка и вовсе сделала вид, что не заметила протянутой руки. Из-за кошмаров, что тревожили ее, касаться мужчин было неприятно.

Перед ними распахнули высокие стеклянные двери, и Бьянка помимо собственной воли ощутила прилив сил и совершенно детского восторга.

Как давно она не была на балу!

Чтобы блестел натертый паркет, чтобы суетилась прислуга, расставляя по столам закуски, чтобы прохаживались важно гости, а хозяева дома...

– Бьянка! – раздался рядом писк Вериты, – о, Бьянка, я так счастлива, что ты смогла приехать!

Еще через мгновение Бьянка оказалась заключена в мягкие, горячие и потные объятия Ларно-младшей.

– О, – сказала она и мягко отстранилась, – дорогая, как я тебя давно не видела!

Быстро оглядев Вериту, добавила:

– Ты похорошела. Всеблагий, как же ты хороша! Не то что я нынче...

И вздохнула.

Разумеется, Верита не похорошела ни капли. Она была невысокого роста, но при этом

очень странного телосложения, напоминала квадрат с руками и ногами. Квадрат утягивали корсетом, украшали приторно-розовыми рюшами и розочками, но миловидности это квадрату не добавляло. К тому же у Вериты было такое же квадратное

лицо с тяжелой челюстью и не очень чистая кожа. Бьянка на таких девиц смотрела с непониманием и прохладным презрением. Даже если ты не удалась фигурой, всегда можно пошить такое платье, которое скроет недостатки и подчеркнет достоинства (в случае Вериты – весьма аппетитную пышную грудь). Ну а лицо – магов-лекарей никто не

отменял. А еще артефакты. И просто очищающие средства.

Но всем этим нужно было заниматься, а Верита заниматься не хотела. И было бы это простительно, если бы сия особа увлекалась чем-нибудь интересным и полезным, например, чтением или вышивкой... Но нет. Верита просто была ленива и оттого оставалась совершенно некрасивой.

– Идем, – Верита потянула ее за руку, – идем в сад, там уже все наши собрались.

– Ох! – Бьянка тут же демонстративно захромала.

Леди Ларно тянула ее как раз в змеиный клубок, а Бьянке так хотелось еще немного порадоваться празднику!

– Послушай, – сказала она, – ты иди, я тебя догоню. Хочу стащить что-нибудь вкусненькое, пока маменька не видит. Ну, ты же знаешь, она следит за тем, что я ем.

Верита смерила Бьянку снисходительным взглядом.

▲– Вот бедняга-то! Конечно, иди, чуть позже выйдешь к нам. Уже, правда, темнеет... но в саду магкристаллы, не заблудишься. Иди-иди, перекуси, а то ты так исхудала за всеми этими переживаниями, что на тебя смотреть жалко. Вон грудь почти исчезла.

«Зато у тебя пузо сальное», – возразила про себя Бьянка.

Игра началась. И то, что только что сказала Верита, следовало понимать так: мы тут

знаем про твою интрижку с мужчиной и все косточки перемыли. Да и вообще ты теперь никчемное ничтожество, никто не будет тебе в рот заглядывать, как раньше.

Глядя в спину удаляющейся Ларно, Бьянка ощутила азарт. О, в подобных ситуациях она чувствовала себя как рыба в воде.

«Посмотрим, кто посмеется последним», – подумала она и направилась к закускам.

Окинула взглядом присутствующих – маменька и папенька увлеченно беседовали с

хозяевами дома, папенька прикладывался к пузатому бокалу с чем-то крепким, маменька кокетливо обмахивалась веером.

«Ага!» – решила Бьянка и прокралась к столу.

Она взяла чистую тарелку, положила несколько ломтиков ветчины и тарталетку с ананасовым салатом. Был соблазн выпить бокальчик игристого, но Бьянка пресекла это желание на корню. Она, Темный побери, готовится к сражению. А в битве нужно иметь свежую голову.

Поэтому девушка удалилась в уголок и принялась за еду, время от времени поглядывая по сторонам. Пока все шло отлично: мягко мерцали магкристаллы в держателях у стен, мужчины выпивали и обсуждали важные политические новости, женщины, умудренные жизнью, кудахтали о чем-то своем. Никто не обращал внимания на девицу с испорченной репутацией.

Бьянка с воодушевлением опустошила тарелку и снова подтянулась к столу, на сей раз туда, где на серебряных подставках красовались пирожные – лимонные, малиновые, фисташковые. Сладкое было ее слабостью. Но почти все время Бьянке приходилось быть рабыней листьев салата, и потому день с пирожными уже сам по себе становился праздником.

Девушка потянулась к корзинке со сливочным кремом и едва не выронила ее, когда прямо над головой раздалось басовитое:

– Добрый вечер, леди Эверси.

«Это что, Шико?» – поразились она.

И тут же выдохнула с облегчением. Нет, не Шико. У Леврана скрипучий голос, от которого мурашки бегут по коже. А это... это голос взрослого мужчины.

– Вечер добрый, – мягко ответила она, одновременно оборачиваясь. – Чем обяза...

И окончание слова застряло в горле.

Чувствуя, как немеют ноги, Бьянка уставилась снизу вверх на мужчину. А он ловко подхватил тарелку, выпавшую из ее рук, – да так ловко, что ни одно пирожное не пострадало.

– Вы! – наконец выдавила Бьянка и невольно попятилась.

На нее с усмешкой смотрел тот самый... мужлан, та сволочь, которая похитила родителей и заставила ее добывать у короля артефакты таким грязным способом.

Конечно же, он изменился, почти до неузнаваемости. Темная щегольская борода, волосы причесаны и собраны в низкий хвост. Одежда... М-да, одежда богатая. Сюртук из

дорогой тонкой шерсти, атласная жилетка, которая чуть ли не по швам трещит на мощной груди. И булавка с большим рубином в шейном платке.

– Что вы здесь делаете? Вы меня преследуете? – зашипела Бьянка, озираясь по сторонам. – Так вот, я вам больше ничего не должна, понятно? И без того...

И умолкла.

Ну не говорить же этому ничтожеству про кошмары. И про то, что ночь за ночью она переживает одно и то же, даже больше, чем было с королем. В самом деле, слишком много чести.

– Я вас не преследую, – он пожал широченными плечами, – меня пригласили. Просто пригласили. Я богатый человек, меня приглашают. И вовсе не ожидал увидеть здесь вас, леди Эверси.

– О, конечно! – Она всплеснула руками. – После того, как вы... вы заставили меня... я все это время провела взаперти, и от нашей семьи все отвернулись. А мои родители, наверное, считают, что лучше б я утопилась, чем терпеть такой позор! Это вы виноваты! Вы!..

Слова внезапно закончились, и все, чего хотелось, – подпрыгнуть повыше и как следует расцарапать это спокойное, породистое лицо. А еще лучше укусить, до кровавых отпечатков, чтоб прочувствовал...

Бьянка сцепила руки замком, еще раз окинула мужлана мрачным взглядом.

– Что вам от меня нужно?

– Ничего, – он пожал плечами, – был рад встретить вас живой и невредимой.

Поставив тарелку с пирожными на край стола, мужчина развернулся и ушел. Бьянка судорожно выдохнула. Нет, ну надо ж такому случиться? С одной стороны – змеи бывшие подруги. С другой теперь... этот, даже не знаешь, как назвать.

– Милая, – Бьянка едва не подскочила, когда мягкая ладонь матушки легла на локоть, – не налегай на пирожные. И без того тебе будет тяжело выйти замуж. Кстати, я видела, ты разговаривала с лордом Сандором. Чего он хотел?

– А кто это, лорд Сандор? – промямлила Бьянка, понимая, что упустила что-то важное во всей этой истории. – Он не представился, мама.

– О, про него много интересного говорят, – ответила леди Эверси, – но одно точно известно. Он незнатного рода, а все преференции получил от короля Маттиаса и от нынешнего короля Шедара за какие-то очень важные заслуги.

«То-то и видно, что мужлан», – мстительно подумала Бьянка.

– Доченька, хватит жрать пирожные, – вновь прошептала графиня, – пойдй прогуляйся.

Нехорошо оставлять Вериту одну.

– Мама, она не одна, – механически ответила Бьянка, с тоской глядя на пирамиды пирожных.

– Все равно иди-ка ты от стола, не то в платье не влезешь. А платья нынче недешевы.

Расставаться с пирожными не хотелось. Но, поймав строгий взгляд матушки, Бьянка молча кивнула и побрела к дверям, распахнутым на веранду. Здравствуйте, гадюки и пауки в банке!

Она вдохнула полной грудью и огляделась. К вечеру начал собираться туман. Магкристаллы, расставленные вместо фонарей вдоль основных дорожек, расплывались в

молочной мути, и их слабый свет мешался с ломаными тенями старых деревьев.

Справа,

из-за шпалеры с малиной, долетали обрывки разговора.

– Нет, ну вы представляете? Девочки, видели б вы ее глаза бесстыжие! Да если бы меня

застукали с любовником, то, верно, я бы утопилась со стыда. А ей хоть бы что.

– Верита, – прошептала Бьянка и покачала головой. Хотелось придумать для этого розового квадрата мечь, но почему-то не получалось.

▲Все было... ожидаемо. Обычная такая женская компания.

– Так что, она правда, что ли?... – скрипучий голос полоснул по нервам.

– Даже если и так, нам что с того? – а вот это уже Шико-младший.

– Ну, как что? Ежели узурпатор под юбкой у нее бывал, то и нам не будет лишним.

– Фу, Левран. Такие вещи не обсуждаются при порядочных девушках. – И этот голос Бьянка узнала. Он принадлежал старшей дочери генерала Эрмантака, Лиззи.

То, что эта особа тоже оказалась среди приглашенных, стало неприятным сюрпризом. Не то чтобы Бьянка ее боялась – среди ровесниц Бьянка не боялась вообще никого, – но

Лиззи была зубаста и остра на язык, а еще она была красивой блондинкой, такой же светлой, как и сама Бьянка. И это бесило.

– Ну, ладно, детишки, – мрачно буркнула Бьянка и смело пошла на голоса, огибая шпалеру.

Как и следовало ожидать, молодежь с удобством расположилась там, куда не заглядывали взрослые. В мягких подкрадывающихся сумерках Бьянка рассмотрела накрытый стол и стульчики с ажурными спинками, удовлетворенно хмыкнула, сообразив, что не ошиблась с определением голосов. За столом и правда сидела Лиззи

Эрмантак в невозможно романтичном белом платье с шифоновыми рукавами, рядом пристроилась Верита – розовый квадрат. Джентльмены расположились напротив, Левран и Дитор Шико. Дитор попивал из бокала игристое, а Левран, по своему обыкновению, грыз ногти.

– Привет, – громко сказала Бьянка, выходя из укрытия.

Все взгляды тут же устремились на нее, но Бьянка была к этому готова и потому без тени смущения заняла свободное место за столом, как раз между Веритой и Лиззи. Однако она заметила, что если девушки смотрели на нее с плохо скрываемым презрением, то джентльмены – скорее с любопытством.

– Дивный вечер, не так ли, – проворковала Бьянка, оглядывая стол.

Маменьки здесь не было, а вот пирожные были, притом в достатке.

Она подцепила треугольничек лимонного бисквита со сметанным кремом и шоколадной глазурью, затем уделила внимание корзинке со взбитыми сливками.

– Дорогая, я тебе завидую, – наконец подала голос Лиззи. Даже странно, что так долго молчала. – Ты теперь можешь есть что тебе угодно. О женихах ведь можно забыть из-за этой дурацкой истории?

Бьянка улыбнулась уголком рта и незаметно подмигнула Дитору Шико. Тот мгновенно подобрался, как хищник, почуявший дичь, а Бьянке... Бьянке отчего-то стало неприятно.

– Да, я могу есть пирожные, – усмехнулась она и посмотрела в ледяные глаза Лиззи, – но не потому, что не надеюсь выйти замуж, а потому, что не склонна к полноте.

Удар достиг цели. Красивая мордашка Лиззи на мгновение перекосилась, а Бьянка с наслаждением зачерпнула ложечкой взбитые сливки. Всем ведь было известно, что Лиззи постоянно недоедает потому, что очень легко и быстро толстеет.

Тут вмешалась Верита.

– Дорогая, конечно же, кушай на здоровье. Честное слово, мы все за тебя переживали. Какая ужасная история!

– Да что ужасного-то, – легкомысленно отозвалась Бьянка, чем заслужила еще более заинтересованный взгляд младшего Шико. Старший, Левран, не смотрел на нее, по-прежнему методично обкусывал заусенец на мизинце и тарачился куда-то в сторону, в стелящийся по траве туман.

– Ну как же! – воскликнула Лиззи. – Все говорят, что ты... что узурпатор...

▲– Говорят, да. – Бьянка хитро улыбнулась, наслаждаясь вкусом малинового джема и

взбитых сливок. Вку-у-усно! Вот бы каждый день так.

– Как тебя вообще угораздило влипнуть в такую историю, – буркнула Верита.

– Видимо, узурпатор Ксеон не остался равнодушен к моей красоте.

– И погубил твое будущее! – пискнула Лиззи.

Бьянка только плечами пожала. Нет, ее корабль так просто не потопить!

– Послушайте, – сказала она, – какое будущее? У кого здесь будущее? Может, у меня и была интрижка, но хотя бы интрижка с узурпатором. Немногие вообще-то могут этим похвастаться. В основном хвастают интрижками с мелкими торговцами.

И в упор посмотрела на Вериту. Та ступевалась. Пару лет назад ее подловили на свидании с сыном мясника, скандал, конечно, замяли – но отчего бы не напомнить присутствующей публике, что все здесь не без греха?

– Расскажи, как это было, – потребовала Лиззи.

– Такие вещи не рассказывают при джентльменах, – парировала Бьянка.

И вдруг почувствовала на себе липкий взгляд, от которого дрогнули руки, а на переносице внезапно выступили мелкие бисеринки пота. Оторвавшись от созерцания взбитых сливок на тарелке, Бьянка вдруг поняла, что Левран перестал грызть пальцы и теперь смотрит на нее в упор, совершенно невоспитанно, так, что чувствуешь себя вывалянной в грязи. Он как будто раздевал ее взглядом, сдирал платье. Бьянку передернуло, и она подумала, что было бы недурственно вернуться к маменьке и папеньке, а там и вообще отправиться восвояси.

– Это... было больно? – вдруг спросил Дитор и внезапно облизнулся.

Бьянка поняла, что краснеет и что в самом деле пора удалиться.

Но спастись бегством не позволяла гордость. Выпрямившись на стуле, Бьянка с превосходством оглядела присутствующих.

– Узурпатор был красивым мужчиной, – сказала она назидательно, – а красивый мужчина не может причинить боль. Только удовольствие.

Лиззи охнула, на ее фарфоровом личике проступила растерянность, а щеки предательски зарделись. Ну, как же... Говорить О ТАКОМ за общим столом. Верно, Бьянка всякий стыд растеряла, шлюха – она и есть шлюха.

Верита так и осталась сидеть с приоткрытым ртом. Дитор откинулся на спинку стула, сверля Бьянку пристальным взглядом и как будто вопрошая, а не врешь ли ты, детка.

Левран же... просто опустил взгляд, задумчиво рассматривая содержимое собственной тарелки, как будто сказанное Бьянкой было ему совершенно неинтересно.

Вполне удовлетворенная произведенным эффектом, Бьянка доела в полной тишине

пирожные, промокнула рот салфеткой и поднялась со стула.

– Пожалуй, прогуляюсь, если вы не возражаете.

– Да-да, конечно, дорогая, – пробормотала потрясенно Верита. Лиззи промолчала.

Бьянка сделала книксен и, повернувшись, пошла вперед по освещенной дорожке. Отчего-то ее слегка подташнивало, и было непонятно, то ли желудок совершенно отвык

от жирного крема, то ли собравшееся общество так повлияло. Она, конечно, поставила

их на место, потому что Верита и Лиззи понятия не имеют, что делают с мужчинами, ну

а братья Шико... хм, наверняка они тоже еще не знали женщин. Виконт, их отец, был весьма строг в этом отношении. Самое большее, что могло перепасть братьям, – потискать в углу горничную, а потом получить выволочку от родителей. Правда, то, как

смотрел на нее Левран... не понравилось. Внутри Бьянка стусевалась, и этот липкий взгляд живо напомнил ей столь успешно выполненную миссию по краже артефактов.

♣Но – в самом деле. Ксеон был красивым мужчиной. И уж конечно, не грыз ногти и не ел

собственные козявки...

Сама того не заметив, Бьянка углубилась в плохо освещенную часть сада. Дорожка здесь

совсем заросла, туфельки промокли, и стоило бы повернуть обратно – но вид укутанных

туманом цветущих яблонь завораживал. Девушка остановилась, взгляд блуждал по светлым шапкам, сложенным из тысяч нежных цветов.

«Хорошо-то как, – подумала Бьянка, – красиво».

И вздрогнула. Неподалеку, в сумерках и тумане, под чьей-то ногой хрустнула ветка.

Бьянка не считала себя трусихой. Да и чего бояться? Она же не в лесу. Все ж таки на

балу в честь дня рождения Вериты Ларно. Кого здесь бояться? Все свои, все знакомы.

Разве что только... этот медведь, лорд Сандор. Но с чего бы ему таскаться по залитому

сумерками саду? Скорее он играет в бридж и надирается вместе с прочими джентльменами.

Бьянка повернулась на звук, прищурилась. Разглядела высокий силуэт меж растрепанных яблонь.

– Кто там? – громко спросила она.

Но ей не ответили. Мужской силуэт быстро приближался, а Бьянка внезапно ощутила приступ паники.

Бежать, ей надо срочно убираться отсюда.

Но в длинном платье не слишком-то побегаешь. Да и – помилуйте! – от кого бежать?

«Здесь все знакомы, все свои», – повторила про себя Бьянка и решила спокойно дождаться неведомого гостя.

Сперва она думала, что и в самом деле это лорд Сандор, распроклятый мужлан, так ей напакостивший. Но по мере приближения становилось ясно, что мужчина худощав и высок, в то время как у Сандора телосложение было просто медвежьим.

– Эй, – уже нерешительно позвала Бьянка, – почему вы не отвечаете, когда леди спрашивает?

А потом из тумана вылился Левран Шико и остановился перед ней, тяжело переводя дыхание.

– А, это вы. – Бьянка выдохнула с некоторым облегчением. – Тоже решили прогуляться?
Впрочем, я уже собираюсь...

В потемках ей было сложно рассмотреть выражение лица Леврана, но отчего-то ей почудился злобный оскал. Его белокурые волосы свисали на лицо, как у сумасшедшего.

Бьянку пробрало морозом до самых кончиков пальцев, она невольно попятилась. Мгновенный рывок – она не успела даже завизжать, как оказалась сжата в железных объятиях, и Левран остервенело впился в ее губы своим слюнявым и вонючим ртом.

К горлу подкатил тошнотворный ком, Бьянка замычала, замолотила руками по плечам парня – но тот только сильнее сжал ее, да так, что нечем стало дышать. Он толкнул Бьянку спиной к яблоневому стволу, прижал всем телом, и девушка, холодея от ужаса, вдруг осознала, что этот поганец, этот извращенец тискает, сжимает ее бедра.

– Перестань! – ей удалось наконец освободить губы. – Да как ты смеешь! Отпусти, придурок!

Но Левран не только не отпустил, наоборот, зажал ей рот потной ладонью, а другой рукой сжал грудь, да так больно, что слезы брызнули из глаз.

Да что ж это такое?

Бьянка мычала и вырывалась, пыталась брыкаться, часть ее ударов достигала цели, но только раззадоривала парня.

▲– Ах ты шлюшка, – прохрипел он, – маленькая сладкая шлюшка. Я тебе сделаю приятно, давай, не сопротивляйся.

– Пошел вон, козлина! – выкрикнула Бьянка. – Все расскажу твоему отцу!

– Да рассказывай. Кто тебе поверит?

От страха Бьянку тошнило, и перед глазами прыгали мушки. А силы... силы убывали,

по
мере того как Левран озверело стискивал ее ребра, прижимал к дереву. И потом
полез
под юбку. Вцепился в бедро так, словно хотел оторвать кусок мяса, дернул,
стягивая,
пantalоны.

– Давай, раздвинь ноги, – хрипел ей в лицо, обдавая вонью. Почему-то у него
постоянно
воняло изо рта.

– Нет! – Бьянка яростно укусила его за щеку, отпрянула, ощущая кровь на языке.

А потом... он ее ударил.

Голова мотнулась, мир перед глазами поплыл, и Бьянка с ужасающей ясностью
поняла,
что падает... нет, уже упала на траву, и что тяжелая туша придавила сверху, и что
отвратительные потные пальцы уже хозяйничают под нижним бельем, заставляя
чувствовать себя грязной, отвратительно, тошнотворно грязной...

– Оставь меня, скотина, – из последних сил прохрипела Бьянка, – оставь!

И заплакала тихо, навзрыд.

Вот и все. Сейчас... сбудется тот кошмар. Посреди парка, считай, в доме приличных
людей. Вот бы... просто исчезнуть. Чтобы ничего не чувствовать и не знать.

Она не сразу поняла, что изменилось. Дышать стало легко.

Потом...

– Тебе ясно сказали, что нет. Пошел вон, говнюк малолетний.

И сочный хруст, с каким обычно ломают носы.

Короткий вскрик, отборнейшая ругань.

– Ты, ты! Да кто ты такой? – визгливо выкрикнул Левран. – Мужичкое отродье!

– Пошел. Вон. Пока я не свернул тебе шею, ублюдок.

– Ты у меня получишь! – сорвался на фальцет Шико-старший. – Или сам хочешь
развлечься?

Внезапно воцарилась тишина, и Бьянка услышала звук быстро удаляющихся шагов.

Пауза. Все замерло, остановилось. Даже сердце пропустило удар.

– Леди Эверси, – невозмутимо позвал Сандор, – поднимайтесь. Можете подняться? Он
ушел, все. Вряд ли побеспокоит еще раз. Скорее, побежит за лечебным артефактом,
морду выправлять.

Бьянка застонала и закрыла ладонями лицо. Она-то думала, что не может быть более

стыдно, чем тогда, в спальне Ксеона. Оказывается, может.

– Ну же, – не унимался Сандор, – вставайте. Надо привести себя в порядок и возвращаться к гостям.

– Ненавижу-у-у-у, – проскулила она. – Это все... вы-ы-ы-ы. Из-за вас. Все меня теперь считают шлюхой, с которой можно делать все что хочешь...

И прикусила изнутри губу. Желание исчезнуть, обратиться дымком стало почти необоримым. А может, и правда, в пруд – и все? Все сразу прекратится?

▲Она задрожала, когда горячие руки подняли ее, поставили на ноги. Одернули задранный подол платья.

– Не троньте. Не троньте!

– Да я не трогаю, Всеблагий с вами, – в низком голосе медведя послышались нотки обиды.

– Ненавижу вас, – всхлипнула Бьянка, – это вы виноваты.

– Возможно. Ну так что с того?

Это было... настолько неожиданно, настолько возмутительно, что Бьянка отважилась открыть глаза. В темноте лорд Сандор был страшен, словно неведомое чудовище. Оборотень-медведь. Огромный, темный, в глазах – лихорадочный блеск и столь явное желание убивать, что Бьянка затрепетала. А потом вспышкой молнии – «ну так что с того?»

– Что с того? – Она задохнулась от внезапно нахлынувшей ярости. – Этот ублюдок едва не изнасиловал меня.

Чудовище ухмыльнулось.

– Так вам, Бьянка, все равно ведь терять нечего. Так ведь, м?

Она застонала. Да за что ж ей все это? Унижения. Оскорбления. Девушка благородных кровей не должна слушать... все эти гадости. Неужели Всеблагий так наказывает за то, что натравила механоида на жену верховного инквизитора? Глупая это была выходка, совсем дурная, но ведь она уже расплатилась сполна, или нет?

– Убирайтесь, – выдохнула она, глядя сквозь Сандора, – убирайтесь, а не то я...

– И что вы мне сделаете? – он усмехнулся.

– Я вам глаза выцарапаю.

– Если длины рук хватит, – язвительно заметил Сандор. – Впрочем, не буду вам надоедать. Только не бродите по саду в одиночестве, Бьянка. А то мало ли кто еще захочет попробовать ваших прелестей. С вашей-то репутацией.

Бьянке показалось, что еще чуть-чуть, и у нее начнут крошиться зубы оттого, как сильно она стиснула челюсти.

Хотелось визжать, орать, драться и царапаться. Искусать, наконец, этого медведя. Спас он ее, видите ли. А до этого... все переломал и растоптал в прах.

Она поняла, что сейчас попросту сорвется, скатится в пропасть самой банальной женской истерики.

Но ведь... она сильная? Она выдержит?

Кое-как взяв себя в руки, Бьянка холодно посмотрела на Сандора.

И так же холодно сказала:

– Благодарю вас, лорд Сандор, за помощь. А теперь оставьте меня. Я не желаю вас видеть. Никогда больше.

Мужчина хмыкнул и, развернувшись, быстро пошел прочь, сбивая на землю нежные лепестки яблоневого цвета.

Бьянка осталась одна и без сил привалилась к покореженному стволу. Теперь ее трясло, ноги подгибались, а голова раскалывалась от злой, тянущей боли. Она пощупала скулу, по которой прошелся кулак Леврана. И как в таком виде возвращаться на бал? Засмеют.

Теперь уж точно сочтут гулящей девкой. Если даже этот медведь ее таковой считает...

Но, Претемный его дери, кто дал ему право разговаривать с ней в таком тоне?

▲Она стиснула дрожащими пальцами яблоневую ветку.

Нужно немного передохнуть, вот и все. А потом заняться своим внешним видом.

Нарыдавшись вдоволь, Бьянка все же попыталась придать платью должный вид, и ей это почти удалось. Ну а то, что подол немного запачкался зеленью, – так это потому, что

ткань замялась под ножку стула, когда сидела за столом с подругами. Она дрожащими

руками поправила прическу, прислушалась. Из дома доносились звуки вальса, а это значило, что, возможно, на ее отсутствие не обратили внимания. Еще некоторое время

Бьянка прикладывала к разгоряченным щекам прохладные цветки яблонь, потом решила, что идеала все равно не достичь. С тем и двинулась к дому, стараясь ступать

осторожно и не споткнуться в темноте. Очень скоро она вышла на хорошо освещенную дорожку, встряхнулась и выпрямила спину. Вот и все. Злоключения остались позади.

Ну

а Левран... эта скотина будет помалкивать. Лорд Сандор, скорее всего, так подровнял

ему нос, что сын виконта наверняка сидит теперь где-нибудь в глубине дома с ледяным компрессом и рассказывает своей матушке о том, как споткнулся о торчащий из земли корень и упал.

Бьянка пошла вперед быстрее и бодрее и вскоре добралась до старой беседки, увитой вечнозеленым плющом. Сквозь литые решетки что-то белело внутри.

«Наверняка кто-то из гостей уединился», – решила девушка и остановилась.

Ей вовсе не хотелось своим появлением прерывать... хм, ну мало ли чем они там заняты.

Бьянка внимательно прислушалась еще раз – из беседки не доносилось ни звука.

И только призывно белела ткань платья, как будто дергая за руку, заставляя свернуть с дорожки и сделать шаг туда, куда вовсе не следовало...

«Кто бы это мог быть?»

Хмыкнув, Бьянка снова двинулась вперед. Она просто прошмыгнет мимо и даже не будет заглядывать внутрь. Вдруг там влюбленная парочка. Хотя здесь скорее Верита и Лиззи будут шушукаться, обсуждая ее, Бьянку Эверси.

«Ну и Претемный с ними, – рассердилась Бьянка, – ноги моей больше не будет в этом доме. Лучше уж правда в монастырь податься. В конце концов, у меня есть старшая сестра, вот она пусть и продолжает наш славный род».

Гордо выпрямившись, девушка величаво проплыла мимо беседки, повернула голову, собираясь процедить что-то вроде «всем доброй ночи». И внезапно почувствовала, как слова застряли в горле, а ноги стали ватными и непослушными.

Ее очень хорошо было видно сквозь широкую входную арку.

Лиззи. В белом платье. Она сидела на грязной мраморной скамье, совершенно неподвижно сидела, сложив руки на животе и уронив подбородок на грудь. Пышные юбки были бесстыдно задраны, а ноги совершенно неприлично разведены в стороны, как будто Лиззи, красавица и умница, предлагала себя каждому проходящему мимо мужчине.

– Лиззи? – оторопела Бьянка. – Лиззи! Ты...

Словно зачарованная, она ступила в тень беседки. Внезапно ей стало очень страшно, пожалуй, даже страшнее, чем когда шла похищать артефакты по заданию лорда Сандора. Во рту собиралась кислая слюна, стало нечем дышать.

– Лиззи, – громким шепотом позвала Бьянка.

А потом разглядела лицо, неподвижное, замершее. И взгляд тусклый, остановившийся.

– Лиззи! – А взгляд помимо воли опустился ниже, к шее.

Черные синяки. Глубокие царапины, порезы. Чьи-то страшные когти прошлись по белой

коже. И бурые разводы на бедрах.

▲Бьянка попятилась, споткнулась, чуть не упала. Дыхание сбилось окончательно, но она

все же нашла в себе силы отпрянуть и пуститься прочь по дорожке. С трудом соображая,

куда бежать, Бьянка уже плакала навзрыд, не сдерживаясь. Как же так? Кто? Почему?!!

В какой-то миг она нырнула в тень и с размаху ткнулась лицом во что-то большое и твердое. И тут уж закричала во всю силу легких и кричала до тех пор, пока щеку не обожгло обидной болью от пощечины.

– Прекратите! – пророкотал Сандор. – Ну?!! Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/oliviya-shtern/ee-nezhelannyu-lord/>